

УДК 81`374

**ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ
(на материале произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина)***

Статья вторая

И. В. Гладиллина, Е. Г. Усовик

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Статья является продолжением опыта конструирования идеографического словаря. Материалом являются окказионализмы, фиксированные в текстах М. Е. Салтыкова-Щедрина. Строится классификация смысловых групп, определяется их наполняемость с учетом особенностей идеологии произведений и эстетической системы писателя. Каждый лексикографический слот сопровождается комментарием, содержащим семантизацию окказиональных образований и примеры их употребления.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, лексикография, идеографический словарь, окказионализм, семантика, поэтика.

В настоящей статье на основе синтеза семасиологического и ономазиологического аспектов [1] изучения индивидуальных лексико-словообразовательных явлений в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, а именно: индивидуально-авторских окказионализмов, рассматриваемых в лексикографической проекции [4], что в перспективе ведет к реконструкции концептосферы писателя в целом [5], – мы продолжаем исследование концепта «Раздвоенная реальность» в творчестве Салтыкова-Щедрина.

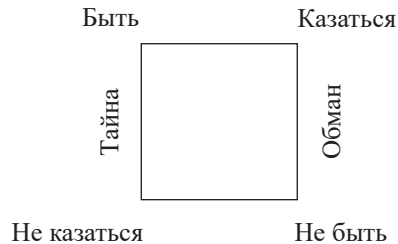
В предыдущей работе [6] мы зафиксировали наличие в опредмечиваемой языковыми средствами философско-эстетической системе автора двух реальностей: *скрытой* («идеальный мир»), представляющей собой воплощение идеальных представлений писателя о жизни, в которой добро и истина являются высшими ценностями, и *обыденной* («перевернутый мир»), над которой довлеет рутинная обывательского существования, лишенная высоких нравственных ориентиров и, как следствие, основанная на обмане и самообмане.

Справедливо отмечает И. Б. Павлова: Салтыков-Щедрин соглашался, что «молодое поколение живет не нормальной, а фантастической жизнью» [11, с. 80], иными словами, живет обыденной действительностью (потребностями витального и социально-статусного порядка), а не нравственными принципами «нормальной» – высшей, сакральной реальности. Вскрытая художественными средствами в XIX веке, поставленная как диагноз смертельного душевно-духовного нездоровья, эта особенность социально-психологического бытия с тех пор отнюдь не избытка, – напротив, на рубеже XX–XXI веков перешла в хроническую и крайне опасную форму,

* Выполнено в рамках проекта РГНФ 14-04-00528 «Словарь языка М. Е. Салтыкова-Щедрина».

что делает исследование творчества великого русского сатирика как никогда актуальным.

«Обыденная действительность», как «перевернутый (по отношению к идеалу) мир», как мир, непосредственно данный в вещных восприятиях, но в духовном отношении обманчивый и обманный, – чрезвычайно важный смысловой комплекс (художественно-философская макроидеологема, художественно-публицистический макроконцепт) в творчестве Салтыкова-Щедрина. Его содержание в традициях логико-лингвистического и лингвосемиотического дискурса можно прояснить классическим семиотическим квадратом «второго порождения» (по А. Ж. Греймасу и Ж. Курте, см.: [7, с. 501]), иллюстрирующим двойственную природу художественно-публицистического и художественно-философского мира писателя:

Скрытая реальность (по Салтыкову-Щедрину, *скрытая действительность*) – это *тайна*, центрирующаяся на интенции «быть, а не казаться»; обыденная реальность, в которой живут стремлением «(важно) казаться, не (обязательно) быть», – обман.

Наличие этих параллельных миров, их парадоксальная «вложенность» друг в друга – едва ли не самая существенная особенность социально-психологического бытия в художественной философии Салтыкова-Щедрина, о которой он сам говорил предельно прямо и ясно: «...гоняясь за действительностью обыденною, осязаемую, он [читатель. – И. Г., Е. У.] теряет из вида другую, столь же реальную действительность, которая хотя и редко выбивается наружу, но имеет не меньше прав на признание, как и самая грубая, бьющая в глаза конкретность» [13, т. 8, с. 189]; «...я пользуюсь всяким темным намеком, всяким минутным изливанием и с помощью ряда усилий вступаю твердой ногой в храмину той другой, не обыденной, а скрытой действительности, которая одна и представляет верное для всесторонней оценки человека» [Там же, с. 191]. Именно обман, лежащий в основе «бьющей в глаза конкретности», является мистификатором реальности и фактором трансформации человеческих существ до состояния полулюдей-полуживотных, механических поделок и призраков.

ЧЕЛОВЕК

ОБЫДЕННАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Человек как живое существо

ВНЕШНИЙ ОБЛИК

Человеко-медведь

В идеологической стратегии творчества писателя, в частности, в художественно-философской основе сказки «Дикий помещик», данное аппозитивное сочетание номинирует высокую степень нравственной деградации человека; одичавший помещик сочетает в себе черты человека и животного: «На днях-де, и его, исправника, какой-то медведь не медведь, человек не человек едва не задрал, в каком *чело-*

веко-медведе и подозревает он того самого глупого помещика, который всей смуте зачинщик» [Там же, т. 16(1), с. 29]. (Здесь и далее везде курсив наш. – И. Г., Е. У.)

Человек как разумное существо

Моральное, эмоциональное и интеллектуальное состояния и действия

1.0. Моральное, эмоциональное и интеллектуальное состояние

Антивегетарианец

Данная лексема в сказке «Орел-меценат» фиксирует хищничество и плотоядность как качества, присущие представителям власти по их природе. «Орлы суть орлы, только и всего. Они хищны, плотоядны, но имеют в свое оправдание, что *сама природа устроила их исключительно антивегетарианцами*» [Там же, с. 73].

Баран-непомнящий

«Сами домашние бараны, конечно, всего меньше о вольном своем прародителе помнят. <...> Так что истинно мудрым называется только тот баран, который ничего не помнит и не осознает, кроме травы, сена и мясоти, предлагаемых ему в пищу» [Там же, с. 166–167].

В образе барана-непомнящего из одноименной сказки, предназначение которого только одно – быть съеденным, но который вдруг начинает видеть вольные сны, выражена мысль о пробуждении самосознания личности, о ее бессильных бессознательных порывах к свободе.

Ворон-челобитчик

Гиена-оборотень

Девушка-чечеточка

Дрозд-ростовщик

Зайчик-сирота

Зайчиха-вдова

Зайчиха-мать

Канарейка-кузина

Карась-идеалист

Лисица-кляузница

Орел-меценат

Павлин-губернатор

Перепелочка-вдова

Пискарь-отец

Пискарь-сын

Служака-зверь

Данные лексемы по семантике компонентов аппозитивных сочетаний мы относим, помимо указанной заголовочной, к нескольким другим идеографическим группам. Художественно-публицистическое предназначение данных окказионализмов – показать, как призраки государства, собственности, семьи обесчеловечивают людей, ср.: «...ум оборачивается хитростью и изворотливостью, а способность к самостоятельности умением объегорить. <...> Вот почему в них весьма быстро развиваются склонности к “кровопийству”, к “поеданию” менее сильных. Отказ от истинно человеческих устремлений низводит их до уровня зверей, хищников» [10, с. 174]. Эти же лексемы вошли в смысловые зоны «Род занятий», «Оценка деятельности человека», «Семейные, брачные, родственные отношения, состояния».

Кукла-подъячий

Данная лексема зафиксирована в сказке «Игрушечного дела людишки»: «Скажем теперича хоть так: желаю я *куклу-подъячего* сделать – как с этим быть»

[13, т. 16(1), с. 96]. Кукла – подобие человека, она лишь пародийно имитирует его функции, это лишь кажущийся живым человек (ср. в словаре В.И. Даля толкование лексемы *куклин*: «кукле принадлежащий, как бы принимая ее за нечто живое» [8, с. 214]). Таким образом, данное образование входит в состав смыслового комплекса «Обман» и поддерживает идею раздвоенной реальности в творчестве Салтыкова-Щедрина: «Так вот поживешь, этта, с ними: ума у них – нет, поступков – нет, желаний – нет, а на месте всего – одна кажимость, ну и возьмет тебя страх. Того гляди зарежут. Сидишь посреди этой немоты и думаешь: “Господи! Да куда же настоящие люди попрятались?”» [13, т. 16(1), с. 99].

2.0. Действия, отражающие моральные качества человека

Измалодушничаться

Окказионализм из сказки «Ворон-челобитчик»: «Истребляют вороний род: кому не лень, всякий его бьет. Да и само воронье *измалодушничалось*. О прежнем вещем карканье и в помине нет; осыплют вороны гурьбой березу и кричат зря: “Вот мы где!”» [Там же, с. 210–211].

Сама сказка посвящена судьбе русского крестьянства, представленного в обобщенном образе воронья. Образ мужика в творчестве Салтыкова-Щедрина проникнут внутренним трагизмом, «проистекающим из сознания глубокого противоречия между тем, чем должно быть мужику – главной силе общественного движения, и тем, чем он является на практике» [9, с. 87]. Крестьянство, по мысли писателя, находясь на самом низком уровне социальной иерархии, представляет собой арену взаимодействия сил добра и зла. Испытывая на себе прямое воздействие со стороны общества, в частности, в лице всякого рода «потрясателей» с их убогой моралью и минимумом уважения к человеческой личности, часть крестьянства утрачивает нравственные ориентиры, она тоже начинает жить по законам разорения, тем самым разрушая себя: «Начнет он, старик [ворон-челобитчик. – И. Г., Е. У.], младших собратий увещевать: “Не каркайте зря, не летайте по чужим огородам!” – только один ответ слышит: “Ничего ты, старый хрен, в новых делах не смыслишь! Нельзя по нынешнему времени не воровать. И в науке сказано: коли нечего тебе есть, так изворачивайся!”» [13, т. 16(1), с. 211].

Для более точной трактовки семантики данного окказионализма необходимо учесть значение словообразовательной модели с конфиксом *из-* ... *-ся*: «приобрести или утратить определенные качества, привычки в результате частого, длительного или интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом» [12, с. 366]. *Малодушничать* – «проявлять нерешительность, робость; отсутствие твердости в поступках» [14, с. 676], поэтому значение окказионализма *измалодушничаться* – «потерять всякую решительность, самостоятельность, твердость духа и стать слабодушным, безвольным, зависимым от влияния других людей» – помогает понять точку зрения писателя на проблему крестьянства как силы, еще лишенной самостоятельности в общественной жизни и потому не способной выполнить ту прогрессивную роль, которую, по мысли Салтыкова-Щедрина, отводит ему история.

Иссобачиться

Разопсеть

Данные окказионализмы составляют антонимическую пару в тексте сказки «Верный Трезор». *Иссобачиться* – «повиноваться и выражать чужую волю, угождать раболепствовать, потерять свободу и человеческое достоинство», *разопсеть* – «выйти из-под чьего-либо контроля, приобрести личную свободу»: «По-

нял ли Трезорка хозяйскую похвалу, или уж сам собой, в силу своей природы, лай из него, словно из пустой бочки, валил – только он с тех пор совсем *иссобачился*. <...> Накормить его забудут – он очень даже рад: ежели, дескать, каждый-то день пса кормить, так он, чего доброго, в одну неделю разопсеет! Пинками его челядинцы наделят – он и в этом полезное предостережение видит, потому что, ежели пса не бить, он и хозяина, того гляди позабудет» [13, т. 16(1), с. 131–132]; «В эти дни купец Воротилов делался зол, так что, когда Трезорка возвращался утром из экскурсии, хозяин бил его аршином нещадно. <...> но в то же время, рассуждая логически, он [Трезорка. – И. Г., Е. У.] приходил к заключению, что ежели его в таких случаях не бить, то непременно он *разопсеет*» [Там же, с. 133] и, как следствие, «хозяина, того гляди, позабудет» [Там же, с. 132].

ДУШЕВНЫЙ СКЛАД

1.0. Черты характера, отражающие нравственную сущность человека

Бесстыжество

Бесстыжество

2.0. Черты характера, отражающие поведение человека

Легкодумное (вольнодумство)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

1.0. Род занятий/деятельности

Зубосокрушитель

Искоренитель

Потрясатель

Данные лексемы номинируют тип деятелей-разрушителей: «Постепенно он все тюрьмы крикунами наполнил, а хищники, мздоимцы, концессионеры и прочие подлинно *потрясатели* тем временем у него под сенью дреманного ока благодушествовали» [Там же, с. 139]; «А оттого, сударь мой, что не все коллежские асессоры в одинаковой силе действуют. Много есть между ними мздоимцев, много прелюбодеев, много *зубосокрушителей* и очень мало настоящих *искоренителей* невежества» [Там же, с. 113]. Заметим, что лучшим средством просвещения *искоренитель* полагает экзекуцию.

Архивариус-летописец

Бытописатели-архивариусы

Ворон-челобитчик

Градоначальничествование

Градоначальство

Дрозд-ростовщик

Инспектор-наблюдатель

Лжеиерей

Орел-меценат

Павлин-губернатор

Философы-спиритуалисты

2.0. Конкретная деятельность

Взбондировать

Градоначальствовать

Законфисковать

3.0. Оценка деятельности человека

Мужичина-лежебока

Персонаж сказки «Как один мужик двух генералов прокормил». Оценка принадлежит «легкомысленным» генералам.

Воры-сердцеведы

Служака-зверь

Служака-зверь – окказионализм как оценка деятельности административного лица. Служака-зверь из сказки «Медведь на воеводстве», о чем бы с ним ни заговорили, «<...> все на одно поворачивал: “Кровопролитиев... кровопролитиев... вот чего нужно!”» [Там же, с. 51]. Этот образ в полной мере отражает мнение сатирика об опытных и усердных служивых: «Не то следует доказать, умеешь ли ты делать под козырек, а то, возведено ли в тебе это делание на степень врожденной идеи» [Там же, т. 8, с. 163].

Окказионализм *воры-сердцеведы* используется в «Истории одного города» в ходе характеристики административной деятельности градоначальника Грустилова, в контексте встроена в антонимическую идеологему «*мошенник – общественный деятель*»: «*Воры-сердцеведы* встречаются чрезвычайно редко. <...> Для того чтобы воровать с успехом, нужно обладать только проворством и жадностью. Жадность в особенности необходима, потому что за малую кражу можно попасть под суд. Но какими бы именами ни прикрывало себя ограбление, все-таки сфера грабителя останется совершенно другою, нежели сфера сердцевода, ибо последний уловляет людей, тогда как первый уловляет только принадлежащие им бумажники и платки. Следовательно, ежели человек, произведший в свою пользу отчуждение на сумму в несколько миллионов рублей, сделается впоследствии даже меценатом и построит мраморный палаццо, в котором сосредоточит все чудеса науки и искусства, то его все-таки нельзя назвать искусным *общественным деятелем*, а следует назвать только искусным *мошенником*» [Там же, с. 381].

Обманщик-газетчик

«То ли дело обман! Знай пиши да обманывай. Пять копеек со строчки.. » [Там же, т. 16(1), с. 60]; «Но что всего замечательнее – печатает газетчик только истину, а за строку все пять копеек платит. <...> Выходит, что истина, что обман – все равно, цена грош» [Там же, с. 61].

Семантический компонент ‘обманщик’ характеризует не только персонажа, являющегося проводником идеалов осязаемой, обыденной действительности, но и сама она таким образом получает крайне отрицательную оценку.

ПОВЕДЕНИЕ

1.0. Формы поведения

Неслыханно-разнообразные

«Все остальное время он посвятил поклонению Киприде в тех *неслыханно-разнообразных* формах, которые были выработаны цивилизацией того времени» [Там же, т. 8, с. 380].

Плотоугодничество

Самовосхищение

ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕ

ОБЩЕСТВО, СОЦИАЛЬНЫЕ УСТОИ, СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ, ОТНОШЕНИЯ

1.0. Власть

1.1. Деятельность

1.1.1. Деятельность представителей власти

Административно-полицейская

Градоначальство

Градоначальствование

1.1.2. Характеристики деятельности представителей власти

Везде-первоприсутствие

Единонаграждение

Нивелляторство

Осчастливление

Окказионализмы *осчастливление* и *нивелляторство* в контексте романа «История одного города» выступают как синонимы: деятельность Угрюм-Бурчеева по «приведению всех к одному знаменателю», обезличиванию – *нивеллированию* – и предполагает «бессознательное» *осчастливливание*: «В то время еще ничего не было достоверно известно ни о коммунистах, ни о социалистах, ни о так называемых нивелляторах вообще. Тем не менее *нивелляторство* существовало, и притом в самых обширных размерах. Были нивелляторы “хождения в струне”, нивелляторы “бараньего рога”, нивелляторы “ежовых рукавиц” и проч. и проч. Но никто не видел в этом ничего угрожающего обществу или подрывающего его основы. <...> Сами нивелляторы отнюдь не подозревали, что они – нивелляторы, а называли себя добрыми и благопопечительными устроителями, в мере усмотрения радеющими о счастии подчиненных и подвластных им лиц» [Там же, с. 402]; «Угрюм-Бурчеев принадлежал к числу самых фанатических нивелляторов этой школы. <...> Предполагал ли он при этом сделаться благодетелем человечества? – утвердительно отвечать на этот вопрос трудно. Скорее, однако ж, можно думать, что в голове его вообще никаких предположений ни о чем не существовало. Лишь в позднейшие времена (почти на наших глазах) мысль о сочетании идеи прямолинейности с идеей всеобщего *осчастливления* была возведена в довольно сложную и неизъятую идеологических ухищрений административную теорию, но нивелляторы старого закала, подобные Угрюм-Бурчееву, действовали в простоте души, единственно по инстинктивному отвращению от кривой линии и всяких зигзагов и извилин» [Там же, с. 403].

Административно-полицейский

Окказионализм, использующийся в значении «характеризующийся в административной деятельности введением запретов на свободомыслие»: «Словом сказать, с точки зрения подвижности, любознательности, предприимчивости русский культурный человек за границей является совершенной противоположностью тому, чем он был в своем отечестве. <...> Равным образом я не стану говорить ни о сановниках опальных, которые поверяют Юнгфрау свои любезно-верные вздохи и пробуждают жалость в сердцах людей кадетской мудростью своих *административно-полицейских* выдумок» [Там же, т. 14, с. 41].

Административно-теоретический

Черта, характеризующая деятельность определенного круга административных лиц, которая направлена на соблюдение внешней формы администрирования или сводится к полному бездействию: «Летописи предшествует особый свод, или “опись”, составленная, очевидно, последним летописцем; кроме того, в виде оправдательных документов, к ней приложено несколько детских тетрадок, заключающих в себе оригинальные упражнения на различные темы административно-теоретического содержания. <...> Утвердительно можно сказать, что упражнения эти обязаны своим происхождением перу различных градоначальников (многие из них

даже подписаны) и имеют то драгоценное свойство, что, во-первых, дают совершенно верное понятие о современном положении русской орфографии и, во-вторых, живописуют своих авторов гораздо полнее, доказательнее и образнее, нежели даже рассказы “Летописца”» [Там же, т. 8, с. 266].

1.2.0. Поведение

1.2.1. Манера поведения представителей власти

Начальственно-язвительный (смех)

2.0. Отношения в обществе

2.1. Отношение человека к власти

2.1.1. Поведение человека по отношению к власти

Начальстволюбие

Невосхищение

«Но в том-то именно и заключалась доброкачественность наших предков, что, как ни потрясло их описанное выше зрелище, они не увлеклись ни модными в то время революционными идеями, ни соблазнами, представляемыми анархией, но остались верными *начальстволюбию* и только слегка позволили себе пособолезновать и попенять на своего более чем странного градоначальника» [Там же, с. 285]; «Едва простыл след рассыльного, увезшего самозванцев, едва узнали глуповцы, что они остались совсем без градоначальника, как, движимые силою *начальстволюбия*, немедленно впали в анархию» [Там же, с. 292]; «Восхищение начальством! что значит восхищение начальством? Это значит такое оным восхищение, которое в то же время допускает и возможность оным *невосхищения!*» [Там же, с. 420].

2.1.2. Черты характера человека, отражающие отношение к власти

Благопоспешительнейший

Добротцательный

Начальстволюбивый

«<...> за Семеном Козырем не только не было найдено ни малейшей вины, но, напротив того, оказалось, что это “подлинно достойнейший и *благопоспешительнейший* к подавлению революций граждан”» [Там же, с. 416]; «<...> будете здоровы, и пред лицом начальственным не злокозненны, *но добротцательны*, достохвальны и прелюбезны» [Там же, с. 302]

2.2. Отношения людей

2.2.1. Обращение

Атаманы-молодцы

Братики-сударики

Старички-братики

3.0. Социальный уклад, социальные устои, социальные связи

3.1. Социальные устои

3.1.1. Закон

Краткословный

Многомысленный

Нестесние

«Волею-неволей Бородавкин должен был согласиться, что поступлено правильно, но тут же вспомнил про свой проект “о *нестеснении* градоначальников законнами” и горько заплакал» [Там же, с. 343]; «<...> город Глупов, по самой природе

своей, есть, так сказать, область второзакония, для которой нет даже надобности в законах отяготительных и *многомысленных*» [Там же, с. 360]; «Началось общее судбище; всякий припоминал про своего ближнего всякое, даже такое, что тому и во сне не снилось, и так как судоговорение было *краткословное*, то в городе только и слышалось: шлеп-шлеп-шлеп!» [Там же, с. 301].

3.2. Социальный уклад. Материальное состояние

3.2.1. Благосостояние. Нужда

Всебедствующие

3.3. Социальные связи, отношения и состояния

3.3.1. Семейные, брачные, родственные отношения, состояния

Зайчик-сирота

Зайчиха-вдова

Зайчиха-мать

Канарейка-кузина

Пискарь-отец

Пискарь-сын

4.0. Коммуникация в обществе

4.1. Речь

4.1.1. Речь, прикрепленная к официальной сфере

Бесскверный

О речи градоначальника: «Пренебречь этими указаниями опыта едва ли возможно. Пускай рассказ летописца страдает недостатком ярких и осязательных фактов, – это не должно мешать нам признать, что Микаладзе был первый в ряду глумовских градоначальников, который установил драгоценнейший из всех административных прецедентов – прецедент кроткого и *бесскверного* славословия» [Там же, с. 357].

Административно-привлекательный

Соблюдающий форму административного документа, отличительной чертой которого является нагромождение речевых штампов официально-делового стиля, нанизывание большого количества грамматических и синтаксических единиц, что маскирует полное отсутствие содержания: «Но едва Крамольников изложил ему (и притом в самом невинном и даже *административно-привлекательном* виде) предмет своего предприятия, как Дудочкин тотчас же загалдил» [Там же, т. 16(1), с. 347].

В заключение отметим: создание комментированного словаря индивидуально-авторских окказионализмов Салтыкова-Щедрина – лишь один из первых, но совершенно необходимых шагов, предпринимаемых на пути антропоцентрической лингвистики [2] сначала к промежуточной цели – выявлению ключевых семантических доминант [3], затем идеологом отдельных его произведений, а в дальнейшей, конечной перспективе – к целостной характеристике особенностей языковой личности и художественной философии писателя в целом.

Список литературы

1. Волков В.В. Аспекты изучения русского словообразования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2004. № 1. С. 84-88.
2. Волков В.В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматилистика текста: курс лекций. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2013. 147 с.

3. Волков В. В., Волкова Н. В. Семантическая доминанта и семантическое поле как опорные единицы анализа художественного произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 279–283.
4. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Индивидуальные образования как один из слотов авторского словаря // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 175–183.
5. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Окказионализмы как ключевые элементы реконструкции концептосферы автора // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 147–157.
6. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Опыт конструирования идеографического словаря окказионализмов (на материале произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина). Статья первая // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 122–129.
7. Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 483–550.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Рус. яз., 1999. 780 с.
9. Мысляков В. А. «Мужик» в теоретико-публицистическом сознании Салтыкова-Щедрина // Русская литература. 1986. № 2. С. 78–92.
10. Николаев Д. П. Смех Щедрина. М.: Сов. писатель, 1988. 400 с.
11. Павлова И. Б. Молодое поколение – надежда и боль Салтыкова-Щедрина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 5. С. 75–80.
12. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 784 с.
13. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит. Т. 8. 1969. 616 с.; Т. 9. 1970. 648 с.; Т. 14. 1972. 704 с.; Т. 16 (1). 1974. 526 с.
14. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 2 / гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 1394 с.

**AN ESSAY IN THE MAKING OF THE IDEOGRAPHIC DICTIONARY
OF OCCASIONALISMS
(based on M. E. Saltykov-Shchedrin's works)**

Article 2

I. V. Gladilina, E. G. Usovik

Tver State University
the Russian Language Department

The objective of the article is making of the ideographic dictionary. The materials of the study comprise the occasionalisms found in the texts by M. E. Saltykov-Shchedrin. Semantic groups were classified, their content being brought into correlation with the ideology conveyed in the texts and the aesthetic system the writer adheres to. Every lexicographic slot is followed by a commentary, which includes semantization of the occasionalism under study, as well as the sufficient context of its use.

Keywords: *M. E. Saltykov-Shchedrin, lexicography, ideographic dictionary, occasionalism, semantics, poetics.*

Об авторах:

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

УСОВИК Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru.

About the authors:

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Head of the Russian Language Department, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

USOVIK Elena Grigorevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Russian Language Department, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru.